

1.

«Я смотрю в окно и вижу окружающий мир, а вернее, его кусочек. Ровно столько, сколько позволяет пыльное оконное стекло. Вон слева высокая береза, ее ствол тянется далеко вверх, где-то там, на уровне самых последних этажей, ее крона, множество ветвей и листьев. Мне с первого этажа виден только ствол — могучий, круглый, покрытый серой корой с чёрными крапинами. Под этим стволом чего только не происходит: играют ребятишки, пьяницы распивают поллитровку, старушки-сплетницы обсуждают жильцов, собачки задирают лапу, справляя нужду.

Я люблю березу, точнее, ее основание. Люблю чахлый кустик жасмина напротив подъезда. Мне ужасно хочется полить его, чтобы он перестал сохнуть, расправил листочки, выпустил бутоны. Но, увы, я не могу этого сделать, как не могу пройти по тенистому дворику и выйти на дорогу, по которой мчатся автомобили. Я знаю, они не такие, как прежде, во времена моей юности. Тогда пределом мечтаний была «Волга», ну или «Чайка» — на ней ездили исключительно важные персоны. А теперь машин великое множество, одна другой красивей. Я вижу их на парковке, позади детской площад-

ки. Там стоят разноцветные, блестящие новенькие автомобили и терпеливо ждут своих хозяев. А мне ужасно хочется взглянуть, как они несутся по шоссе — стремительно, как птицы, мелькая колёсами, сверкая огоньками.

Но до шоссе далеко — много-много шагов, а я не могу сделать ни одного. Поэтому мне остаётся лишь сидеть у окна и мечтать, что однажды случится чудо и я буду ходить. Смогу самостоятельно выйти во двор и полюбоваться на крону берёзы, полить увядающий жасмин, дойти до дороги. Ведь никто не может запретить человеку мечтать!

Иногда, впрочем, бывает праздник и на моей улице. Дверь комнаты раскрывается, и на пороге возникает Галка. У неё смеющиеся глаза, красные щеки и крутые завитки волос надо лбом. В руках она неизменно держит связку бананов — золотистых, перезрелых, с чёрными крапинками. Галка почему-то считает, что есть можно только такие бананы, чуть подгнившие, а чистые — значит неспелые. Галка кладёт бананы на стол, вывозит из коридора старенькую коляску, сажает меня в неё, и мы едем вниз. Колёса весело поскрипывают. Пандусов в нашем доме нет, и Галка аккуратно перемещает коляску со мной со ступеньки на ступеньку. Всего их пять, и ура — мы на улице.

Дует тёплый ветерок, наполняя кислородом мои скукожившиеся лёгкие. Вокруг целое море звуков и запахов. Я задираю голову и вижу листья

берёзы. Они шумят на ветру, колышутся, о чем-то шепчутся друг с другом. Галка весело щебечет, рассказывая о том, что было сегодня в школе. Я стараюсь слушать ее, но у меня получается с трудом. Я жадно и ненасытно впитываю окружающий меня мир — не его клочок, а целый мир, без границ. Я знаю, следующий раз наступит не скоро. А зимой и вовсе ничего этого не будет: много снега, холодно. Галка не может одевать меня и толкать коляску по сугробам. Остаётся ждать весны.

Но я не унываю. Я сижу у окна и вяжу варежки, носки, шарфики и свитера. Иногда забавные игрушки — зайчиков, мишек, слонят. Мелькают спицы, вытягивая петельки — раз-два, раз-два. Клубок, лежащий на подоконнике, крутится и уменьшается. А за окном идёт жизнь — то дождь, то снег, то листопад. Не успеешь оглянуться — а она уже подходит к концу... Раз-два, раз-два, две лицевых и изнаночная...»

2.

Никита Кузьмич с утра был не в духе. Ночью во сне он так неудачно повернулся, что у него прострелило бок. С трудом поднявшись с постели, он, кряхтя, прошаркал в ванную, умылся холодной водой и с отвращением заглянул в зеркало. Ну и рожка! Под глазами морщины, седые волосы всклокочены, в глазах застыло выражение адской скуки.

В дверь постучали.

— Никитка, ты что там, уснул? — крикнула Надежда Сергеевна. — Завтрак готов.

— Иду, — ворчливо ответил Никита Кузьмич и снова покосился на своё отражение. Он покачал головой, смачно плюнул и, повесив полотенце на крючок, вышел в коридор.

В кухне было тепло и уютно, вкусно пахло сырниками. Никита Кузьмич, охая и стеная, с превеликим трудом опустился на табурет, покрытый цветастой подушкой.

— Что с тобой? — ласково спросила Надежда Сергеевна, ставя перед ним тарелку, на которой в сметане лежали румяные, поджаристые сырники, ровно пять штук.

— Да спину потянул, будь она неладна, — пожаловался Никита Кузьмич. — Ни повернуться, ни вздохнуть.

— Ах ты, болезный мой, — сочувственно произнесла Надежда Сергеевна. — Ну покушай, а я после разотру тебя пчелиным ядом. Кушай, кушай. — Она присела напротив, с пристрастием глядя на мужа.

Никита Кузьмич вздохнул и взялся за вилку. Есть ему совсем не хотелось, но, если отказаться, Надя станет переживать. У неё ведь единственная радость — целый день торчать у плиты. Готовит как в ресторане: то мясо по-французски, то курица по-польски, то торт испечёт, да такой, что язык можно проглотить. Одна беда — без надобности это все Никите Кузьмичу. Он с юности

привык питаться просто и ограниченно, потому и фигура к старости такая, какой и у многих сорокалетних нет — плоский живот, поджарые бедра, ни грамма лишнего жира. Он бы вполне удовлетворился гречкой на завтрак и борщом на обед, а ужин традиционно отдал бы врагу. Но нет — тут тебе и сырники, и ватрушки, и плюшки, и прочая фигня, от которой слабеют мышцы, кости и ткани становятся рыхлыми, и вот уже тянет бок, шею, крестец..

— Батюшка, ты что не кушаешь? — Надежда Сергеевна смотрела на него с укоризной. Позади неё на подоконнике так же укоризненно раскинул колючие ростки столетник, словно руками развёл в негодовании.

— Я ем, матушка. — Никита с досадой обмакнул сырник в сметану и отправил его в рот, затем другой. — Все. Сыт. Благодарствую.

— Да как же сыт, когда ещё полная тарелка? — расстроилась Надежда Сергеевна. — Ну хоть ещё один!

— Нет, — твёрдо произнёс Никита Кузьмич. — Лучше чаю мне налей.

Надежда Сергеевна послушно поднялась, налила в красивый голубой бокал кипятку, кинула туда пакет с заваркой.

— Лимончик положить?

— Положи.

После завтрака Надежда Сергеевна тщательно растерла спину и бока Никиты Кузьмича мазью с

пчелиным ядом, затем закутала его своей шерстяной шалью и велела полежать пару часов. Никита Кузьмич лежал на диване с видом мученика, смотрел нудную передачу по телевизору, и ему было отчаянно скучно. Наконец он решительно щёлкнул пультом и крикнул:

— Надюша!

— Что, папулечка? — ласково отозвалась та и заглянула в комнату. Руки у неё были по локоть в муке.

— Опять плюшки? — Никита Кузьмич нахмурил седые кустистые брови. — Заканчивай ты с этим, мать. Сколько, ей-богу, можно!

— Да что ещё делать, Никитушка? — растерянно произнесла Надежда Сергеевна. — Все какой-то интерес.

— Глупости это, а не интерес, — буркнул Никита Кузьмич. — Давай, что ли, на дачу завтра поедем?

— Так как поедем, батюшка, если ты нездоров? — Надежда Сергеевна всплеснула руками. — А ну как окончательно надорвёшься? Не ровен час, в больницу загремишь.

— Не надорвусь. — Никита Кузьмич решительно сел и тут же скорчился от боли.

Надежда Сергеевна бросилась к нему.

— Вот видишь! Разве можно? Тебе покой нужен и тепло. А я завтра доктору позвоню, Андрей Ивановичу. Пусть приедет, поглядит тебя.

— К черту доктора, — Никита осторожно спустил ноги с дивана. — Ай! Черт бы побрал этот бок. Уй-уй-уй. — Кряхтя и охая, он побрел в кухню. Достал с полки бутылку коньяку, плеснул в рюмку, с шумом втянул носом воздух и выпил залпом.

— Зря ты, Никитушка, — неуверенно проговорила Надежда Сергеевна, входя за ним следом. — Зря. Давление подскочит.

— Да хоть и подскочит, — сердито огрызнулся Никита Кузьмич. — Надоело трястись над собой, как над писаной торбой. Скажи лучше, Колька звонил сегодня?

— Звонил. — Надежда Сергеевна опустила голову.

— Врешь ведь. — Он налил ещё стопку.

— Не вру, звонил он. Правда, не сегодня — позавчера.

— Позавчера.. — Никита Кузьмич залпом выпил. — Праздник на нашей улице.

— Зря ты так. — Надежда Сергеевна вздохнула и принялась с остервенением месить тесто. — Зря.

— Не зря, и ты это не хуже меня понимаешь.

— Просто ему некогда, Коленьке. Сам знаешь, работа у него. Дела.

— Но позвонить-то матери можно? — Никита Кузьмич подошёл к жене и осторожно положил руку ей на плечо. — Разве для этого много времени нужно?

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

— Не нужно, — прошептала Надежда Сергеевна. — Да ты не злись на него, батюшка. Завтра, даст бог, на дачу поедем. Костерок зажжем, я колбаски пожарю. Чего тебе Коля? У него своя жизнь, у нас своя.

— У него своя, у Алки своя. Мы детей своих раз в полгода видим. И слышим примерно так же.

Никита Кузьмич отнюдь не сгущал краски. Дочь Алла сразу после института укатила в Германию на стажировку, благо у отца были на это средства. Там она и осела: устроилась на хорошую работу, вышла замуж за немца и родила сына, которого назвала Рудольф, что для русского уха звучало слишком похоже на Адольф, а потому вызвало высшую степень неприязни и отторжения. Приезжала она в Москву редко, раз в год, правда, исправно звонила по скайпу, но разговоры эти как-то не клеились, были скучными и натянутыми.

Сын же Николай жил совсем рядом, в соседнем районе. Он рано женился, наплодил двоих детей и тут же развёлся. Невестка с бывшими свекрами отношения не поддерживала, внуков им не привозила. Сам же Колька вёл привольный образ жизни — менял баб, как перчатки, ездил на горнолыжные курорты, тусовался по клубам. Престарелых родителей вниманием не баловал, а если и заявлялся в гости, то в основном за материальной помощью. Никита Кузьмич на детей сердился, но все равно любил их и в глубине души надеялся,

что когда-нибудь все изменится и семья вновь воссоединится...

Надежда Сергеева вздохнула и ласково потрепала мужа по волосам.

— У всех так, Никитушка, — постаралась утешить она его. — Они же знают, что мы вместе, вдвоём, нам не скучно.

— Скучно! — Никита Кузьмич рубанул ладонью по столу так, что тазик с тестом подпрыгнул и съехал в сторону. — Скучно нам! Приехали бы в гости! Съели бы твои плюшки! Посидели бы, чайку попили, а потом погуляли.

— Не кипятись, дружок. — Надежда Сергеевна ласково погладила его по щеке. — На что они тебе? Вырастили, выучили, и слава богу. Давай вот я тебе картошечки горячей с маслом положу? Давай?

— Ну давай. — Никита Кузьмич обречённо опустил на стул.

3.

Назавтра ему стало легче настолько, что он без труда сел за руль своего старенького «Шевроле» и покатил с Надеждой Сергеевной на дачу.

Супруги Авдеевы всегда жили в достатке. Никита Кузьмич до пенсии занимал высокий пост директора ликероводочного завода. Большая часть его карьеры пришлась на советское время. Ни супруга его, ни дети ни в чем не знали отказа. Все

блага той эпохи — кооперативная трехкомнатная квартира, фирменная заграничная одежда, продукты, бывшие для обычных людей дефицитом, а ещё новенькая «Волга» и фундаментальный кирпичный дом-дача — были доступны их семейству. Они ежегодно ездили к морю, отдыхали в элитных подмосковных санаториях, лечились на водах.

Никита Кузьмич характер имел крутой, но, несмотря на это, был любимцем у подчинённых. Жесткий, хваткий, деловой, он обладал всеми качествами прирожденного руководителя. Именно они помогли ему в 90-е удержаться на плаву. Его завод не закрылся, подобно сотням других, перестроился, нашёл каналы сбыта, отыскал поставщиков и стал процветать. Никите Кузьмичу в ту пору шёл шестой десяток. Он был здоров как бык, мотался по командировкам, помогал выросшим детям материально. А в свободное время достраивал дачку, перекраивая ее на современный лад: сделал там и гостиную с камином, и бассейн, и зону барбекю, и даже маленькое футбольное поле, на котором гости могли погонять мяч.

Все бы и дальше шло отлично, если бы не грянул гром среди ясного неба: случился у Никиты инфаркт — неожиданно, подло, коварно, когда ничто не предвещало беды. Сидел за столом, вёл совещание и внезапно почувствовал острую боль в груди, затошнило, зазеленело перед глазами. Никита Кузьмич скрипнул зубами: «Продержаться бы ещё минут пять, закончим, и к доктору». Но

продержаться не удалось — кабинет вдруг поглотили сумерки, а потом наступила полная тишина. Очнулся Никита в реанимации, рядом сидели заплаканная Надежда Сергеевна и дети. Поначалу он не понимал, насколько все серьезно, все норовил встать с кровати: за завод беспокоился, там как раз выгодный контракт назревал, нужно было не зевать. Но врач — пожилой, седой профессор-кардиолог — все ему быстренько объяснил: мол, все важные дела закончились, теперь только кушать, спать да гулять во дворе, а не то следующий контракт не в этом мире придётся подписывать.

Для Никиты Авдеева это стало ударом. Сильный, крепкий мужчина, надежда и опора семьи, любимец женщин, он в одночасье превратился в инвалида, боящегося сделать лишнее движение. Да что там движение — и дышать-то глубоко поначалу было страшно! Надежда Сергеевна после выписки квохтала над ним, как наседка: не разрешала вставать, носила еду в постель, кутала в шарфы и свитера, пичкала лечебными травами. А Никита медленно умирал. Нет, не от сердца — его врачи починили, а от невостробованности и непривычного безделья. Никогда не сидевший дома, он безмерно тяготился пребыванием в четырёх стенах, требовал телефон, пытался звонить на работу, давать указания. Но бедное заштопанное сердце не хотело больше трудиться: болело, щемило, кололо и норовило остановиться. Одна за другой приезжали «Скорые», делали уколы, кардиограммы.